

Когда фонарь зажётся

— Фонаря не видели? — крепкий мужчина в новеньком «адидасе» обратился к курившим у погрулочной рампы продуктового магазина работникам.

Один из них лениво мотнул головой в неопределённом направлении.

Почему за Фонарём давно закрепились такая кличка, становилось понятно с первого взгляда на его лицо: под глазом, периодически перемещаясь с одного на другой, красовался неизменный «фонарь», переливаясь всеми оттенками разных стадий гематомы. Поводов не дать ему угаснуть находилось предостаточно.

— Фонарь, сюда иди, — позвал мужчину парня, обнаружив того в заплёванной семечками бейсболке.

— Ты чего, начальник? — вжав голову в плечи, парень нехотя поплёлся к подозвавшему.

— Да ты иди, иди. Дело есть.

Напрягшись вначале, Фонарь постепенно успокоился, слушая обрывистую речь мужчины, и согласился. Дельце представлялось плёвым — так, вылазка на одну ночь, да и дружанов разрешили позвать. К тому же за деньги.

Смутные сомнения в том, стоит ли участвовать в происходящем, начали проникать в голову разгорячённого выпивкой Фонаря только по прибытии на место, когда вся компания случайно набранных пацанов, выгрузившись из автобусов без номеров, растянулась цепочкой и двинулась к горе, где размещался «вражеский» лагерь. Начальник обещал, что им всё сойдёт с рук и даже многое из прошлых проступков простится. Всего-то надо погнать с горы группку жалких активистов, попутая, в крайнем случае — силу применить, если понадобится. «Но зачем? Ну хотят защищать горы — пусть защищают».

Фонарь немного отстал от остальных и направился в другую сторону, куда никто не пошёл. Накапывающий дождь раздражал, одновременно придавая злости. Из-за редкого кустарника в темноте показался силуэт. «Сам нарывается», — парень смело зашагал навстречу маячившей в просвете между деревьями фигуре.

— Проваливай, слышь? — не сдерживаясь, проорал во всё горло Фонарь, когда до незнакомца оставалась пара шагов.

— Это наша земля. Наши горы. И мы никуда не уйдём, — спокойно проговорил старик, приблизившись к Фонарю и глядя ему прямо в глаза.

На морщинистом лице читались безграничное спокойствие, глубокая мудрость и непоколебимая уверенность в правоте. Этого нельзя было не почувствовать.

Обескураженный и сбитый с толку Фонарь сник и настороженно замер, не смея отвести глаз от ясного, проникающего в самую суть взгляда старика.

Откуда-то послышался знакомый голос деда, сурового и справедливого: «Вспомни, кто ты? Чей ты? Как твоё имя? Где твоя земля?»

Заматав головой, отгоняя померещившееся видение, Фонарь промывал что-то нечленораздельное и сделал пару шагов назад, споткнулся и стал падать в грязь. Старик ловко удержал его и тихо произнёс:

— Ты хороший парень. Нечего тебе делать на тёмной стороне.

Не в силах противостоять заполнившему сердце необъяснимому трепету, Фонарь выпрямился и протянул руку незнакомцу:

— Дедуля, простите. На самом деле я не хотел...

— Как тебя звать-то? — оборвал невнятную речь старик.

— Фаннур.

— Хорошее имя. Добро пожаловать домой.

Пока приехавшие «молодчики» не пускали обратно в лагерь защитников горы, несмотря на то что тем нужно было в свои палатки из-за непрекращающегося дождя, пока привезённая толпа угрожала расправой лагерю, требовала, чтобы активисты покинули гору, махала руками, пугая, что порежут, Фонарь уже на другой стороне стоял плечом к плечу с внезапно ставшим родным стариком, готовый на всё. Он ощущал, что внутри будто зажётся «фонарь», которому ни за что нельзя позволить угаснуть. Даже очередной, новый «фонарь» под глазом не пугал: «Пусть впервые появится за дело, важнее которого нет сейчас в жизни».

А люди продолжали ехать изо всех окрестных мест, чтобы отстать гору и тех, кто её защищал. В ночь. Несмотря на ливень.

«Это наша земля, наши горы. И мы не уйдём,— как заклинание, твердил Фаннур-Фонарь.— Куштау Йэшэ!¹»

Olá!²

Памяти Diego Frazão Torquato³

Сегодня хороший день. Голова у Диего совсем не болит. Да и всё тело такое лёгкое, гибкое и крепкое— это редкость. Диего не перестаёт улыбаться, переходя на другую сторону улицы, вспоминает, как ловко улизнул из дома, хоть Камила и бранилась в спину, разгадав его намерение. Ничего, пошумит и успокоится, тем более дядя Эдуарду в гостях. Вчера, довольный случайным заработком, подобревший от выпитой кашасы, он раздавал детям мелочь.

Теперь Диего ощущает себя богачом и собирается на целый день выбраться куда подальше, для начала— в небольшой полузаброшенный парк на окраине Дуки-ди-Кашиас. По дороге ему на глаза попадаете пристроившийся на тротуаре в слабой тени навеса Маркус, наверняка уже поймавший свой привычный кайф. Можно изловчиться, пнуть его сейчас и убежать. Но Диего проходит мимо: не хочет тратить время на мелкие шалости. Вдалеке он видит, как Луис с компанией пристаёт к местному забуддыге— бедолаге Карлосу, безобидному старику, ветерану тупамарос. И Габриэлла с ними. С недавних пор нравится ей водиться с этими хулиганами. Можно было бы вступить за старика Карлоса, рискуя быть побитым самому. Интересно, Габриэлла бы оценила? Но сегодня Диего этого не узнает, он скорее сворачивает за угол, избегая встречи с девчонкой и всей компанией. Нельзя портить себе такой счастливый день, выпавший среди беспросветных, всевозможных, привычных бед в жизни мальчишки из фавел.

Толстая продавщица, позвякивая яркими браслетами, с подозрением крутит в руках реал, протянутый Диего, однако даёт сдачу и вручает огромный ком белоснежной сахарной ваты, начинающей мгновенно таять на солнце. Но Диего проворнее, он успевает слизывать невесомую сладость, пробираясь тропинками между пальм в поисках тени. На удивление на небе сегодня несколько пушистых, как вата, облаков. Диего воображает, как можно забраться на плечи Христу, защищающему Рио, и ловко намотать на палку огромный ком облачной ваты, потому что та, что у него в руках, к сожалению, закончилась слишком быстро.

Вдруг внимание мальчика привлекают звуки музыки. Он бесшумно крадётся в поисках источника и видит на скамейке мужчину, играющего на скрипке. Тот сидит, закрыв глаза, водит смычком и отпускает летать над городом красивую мелодию. Диего слушает, позабыв обо всём. И вдруг ловит на себе взгляд скрипача. Первая мысль— конечно, убежать, однако мужчина улыбается и идёт

навстречу. Внимательно смотрит в глаза Диего, продолжая улыбаться:

— Привет!

Сейчас Диего не знает, насколько важной окажется для него эта встреча, не догадывается, что предчувствие о хорошем дне сегодня его не обмануло. Ему неведомо, что незнакомец— это Эвандру Жуан да Силва, уважаемый учитель музыки, помогающий детям из фавел вырваться из жизни, полной из нищеты и насилия. Впереди Диего ждёт обучение музыке, игра в струнном оркестре Afroreggae. Ему, мальчику, натерпевшемуся много боли и страха, страдавшему менингитом, уготовано стать «символом надежды» в борьбе с лейкемией и преступными действиями полиции. Не знает он также и того, что учитель будет убит во время полицейского штурма фавел в октябре 2009 года, а он, Diego Frazão Torquato, известный как Диего ду Виолино, будет играть на скрипке на похоронах учителя и попадёт в объектив фотографа Маркоса Тристао. И эта эмоциональная фотография будет долго продолжать цеплять многих людей во всём мире, напоминая о трагедии, о силе музыки, о таких личностях, как Силва, о судьбе самого Диего. Не знает он также, что болезнь окажется сильнее оставшегося одиноким мальчишки, что ученик переживёт своего учителя менее чем на полгода.

Всё это впереди, а сейчас Диего улыбается в ответ, заглядывает в глаза незнакомому музыканту и говорит:

— Привет!

Бабье лето

На поленице разлеглась греющаяся на солнце кошка, которая только слегка повела ухом на постукивание занавески из ярких, густо нанизанных на леску деревяшек. Открыв настежь дверь и поправив спутавшиеся бусины занавески, на порог своего дома вышла старая женщина в цветастом платке.

Закончив сметать сухие листья, нанесённые ветром к крыльцу, женщина облокотилась на поленицу и замерла, глядя на почти убранный огород. Почесав кошку за ухом, проговорила, обращаясь к ней:

— Гляди, Баська, а летает паутинка-то. И телпынь такая сегодня. Видать, вот оно, бабье лето, и пришло. Наше с тобой лето.

Кошка потянулась и лениво муркнула, подерживая разговор.

.....

1. Посвящается защитникам башкирских Шиханов и событиям августа 2020 года на Куштау.
2. Привет! (*порт.*)
3. Диего Фразао Торквато (Diego Frazão Torquato), известный как Диего ду Виолино (1997–2010).

Старушка отправилась к навесу у сарая, где на ржавых, вбитых в бревенчатую стену гвоздях висели плетёнки лука, чеснока, пучки трав. Заботливо всё проверив, она сняла несколько высохших охапок фасоли, затем удобно пристроилась у крыльца и начала лущить фасоль. Белые и коричневые семена из стручков сначала звонко, а потом беззвучно падали в железную миску.

Перебирая рукой и пересыпая фасолины, женщина пробормотала, отзываясь на какие-то свои воспоминания:

— А вот, может, столько дней-то и прожито, как фасолин этих, одни светлые, другие тёмные, а в памяти уж всё перепуталось...

Её размышления-воспоминания прервал скрип открывшейся калитки.

Во двор зашёл с лукошком яблок сосед. На самом деле он жил на другом конце деревни, но они все, немногие оставшиеся старики, считали друг друга соседями.

— Здорово, Гэлка.

— Здорово, Степаныч.

— А я вот тебе яблок принёс, такой урожай в этом году.

— А то я не знаю! У меня свои некуда девать, так ещё ты припёр.

— Ай, у тебя такого сорта нет, да и я ж тебе не опад, с дерева хороших наснимал.

— Лучших, чем Насте Толиковой вчера занёс?

— От ты всё знаешь, — засмеялся Степаныч. — Тебе самых лучших.

— Свисти больше. Ты б почтальонку нашу угостил, что ли, она как раз через пару дней пенсию должна привезти.

— А ты не учи! Угощу, я ей ещё тыкву и картошку подготовил. У меня, может, к ней серьёзные намерения, — приосанился и поправил кепку мужчины.

— Ой, жених нашёлся, — рассмеялась Гэлка. — Ладно, спасибо, пересыпай свои яблоки, вон ящик под грушей. О, а может, тебе груши надо?

— Не, что мне твои груши? Мне б того, что ты на рябине настаиваешь, — хитро улыбнулся старик.

— Ага, сейчас, разбежалась я тебе наливать. Нету у меня настоек, а Насте я за её долгий язык ещё выскажу.

Прижавшись плечами к бревенчатой стене дома, прогретой тёплым осенним солнцем, старик закурил трубку. Выпустив несколько колец дыма, он с грустью в голосе поинтересовался:

— Ну что, твои не приедут?

— Нет, всё никак не выходит у них, — тихо ответила Гэлка.

— А мои вот тоже за лето так и не выбрались, — не успел продолжить Степаныч, как женщина его резко оборвала:

— Хватит, ты мне уже сто раз одно и то же рассказываешь, уже уши болят слушать. Ты мне лучше скажи: можешь радиоточку поправить? Что-то барахлит.

— Ну, можно глянуть, что там за проблема, — докурился, старик протопал в дом.

Через некоторое время, провозившись с радио, Степаныч вернулся:

— Порядок, там у тебя только проводок отходил, я починил, за что теперь и выпить не грех, — поглядел довольный собой мастер на хозяйку.

— От ты ж не отстанешь. Не готово ещё, настоится — выпьем, — спокойно ответила женщина, — если доживём.

— Э-э-эх... А вот помру, так хоть вся родня соберётся, — отозвался Степаныч, — Ладно, пойду я уже. Бывай.

— Ага. Бывай.

И старик с лукошком на плече поплёлся к калитке. Гэлка проводила его и, уже закрыв калитку на щеколду, окрикнула:

— Степаныч, ты это — не помирай пока. Осень такая хорошая, бабье лето во.

— Не бойсь, Гэлка, переживём твою осень и зиму Perezимую. Надо ж по весне аистов, что у меня на липе возле дома поселились, дождатьсяя.

Кивнув на прощание, старик зашагал дальше по тихой, пустой, приукрашенной жёлто-красным цветом, чуть затянутой дымом редких осенних кострищ деревенской улице.